

УДК: 327.51

СТОЛКНОВЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ*

Андрей Борисович ВОЛЫНЧУК,
кандидат географических наук, доцент ка-
федры мировой экономики и экономичес-
кой теории Владивостокского государст-
венного университета экономики и сервиса.

E-mail: i-abv@yandex.ru

Яна Александровна ФРОЛОВА,
старший преподаватель кафедры всеоб-
щей истории, политологии и социологии
Владивостокского государственного уни-
верситета экономики и сервиса.

E-mail: FrolovaJana@yandex.ru

Статья посвящается анализу геополитических интересов участников Гражданской войны и интервенции на российском Дальнем Востоке. Рассмотрены цели главных участников конфликта. Авторы выявили основные причины геополитических противоречий в регионе.

Ключевые слова: геополитические интересы, Северо-Восточная Азия, интервенция, российский Дальний Восток, гражданская война, Япония, США.

Conflict of geopolitical interests in the Russian Far East in the years of Civil war and intervention

A. B. Volynchuk, Candidate of Geographical Sciences, Assistant Professor of the Chair of World economics and economic theory, Vladivostok State University of Economics and Service.

Ya. A. Frolova, Senior lecturer, Chair of World History, Politology and Sociology, Vladivostok State University of Economics and Service.

The article is devoted to the analysis of geopolitical interests of participants of Civil war and intervention in the Russian Far East. The purposes of the main participants of the conflict are considered. The authors have revealed principal causes of geopolitical contradictions in the region.

Key words: geopolitical interests, the North East Asia, intervention, the Russian Far East, Civil war, Japan, the USA.

---

* Статья подготовлена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы Рособразования «Развитие научного потенциала высшей школы» (проект № 2.1.3/4472).

Сегодня Северо-Восточная Азия (СВА) является перекрёстком геополитических интересов мощных держав современного мира. С одной стороны, растущая конкуренция за лидирующие позиции в регионе формирует настороженность в межгосударственных отношениях и консервирует застарелые политико-территориальные споры, с другой — усиливающиеся процессы глобализации и регионализации активизируют мощные экономические силы, направленные на интеграцию финансовых, сырьевых, трудовых, транспортных потоков в единую трансграничную систему.

Тем не менее это не значит, что национальные интересы государств в условиях глобализации перестают соперничать в борьбе за установление политической гегемонии над тем или иным сектором геопространства. Современный этап общественного развития формирует геоэкономическую версию геополитических преобразований, при этом сохраняя их топологическую сущность — достижение национальных интересов. Действительно, трудно представить, что, реализуя проекты трансграничного сотрудничества, Япония, Республика Корея или Китай пожертвуют своими интересами в пользу России. Скорее они будут стремиться к максимальной степени реализации своих преимуществ и нивелированию слабых сторон.

Из всех факторов, влияющих на стиль поведения страны на международной арене, самыми постоянными являются геополитические интересы. Однако в современных условиях вычлнить из всей совокупности государственных устремлений «настоящие» геополитические интересы страны представляется сложной задачей. Наиболее рельефно они проявляются в экстремальных ситуациях, когда межгосударственное взаимодействие преодолевает некоторый критический уровень, за которым начинаются прямые вооружённые столкновения — приграничные конфликты, интервенции, полномасштабные межгосударственные и гражданские войны.

В XXI в. геополитические интересы России на Дальнем Востоке находятся под воздействием перегруппировки сил и становления многополярной системы международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Толчком к началу этих изменений стало окончание «холодной войны» и исчезновение с политической карты мира Советского Союза. Россия как правопреемница СССР осталась «сверхдержавой» только из-за своего ракетно-ядерного потенциала. Однако в региональной дипломатии — это малозначащий фактор. Катастрофическое уменьшение регионального геополитического потенциала привело к тому, что «Россия в большей мере выступает в роли объекта, чем субъекта мировой и региональной политики» [1, с. 4]. Следовательно, велика вероятность возникновения реваншистских настроений в странах, не удовлетворённых существующим в СВА статус-кво. Поэтому выявление «истинных» интересов России и её соседей по дальневосточному региону представляется актуальной задачей.

Геополитические интересы наиболее чётко проявляются в экстремальных ситуациях. Для российского Дальнего Востока одна из таких ситуаций сложилась в годы Гражданской войны и интервенции (1918—1922), когда присутствие России на берегах Тихого океана было поставлено под сомнение. На первый взгляд, события той войны освещены в литературе

довольно полно, однако при детальном анализе имеющегося материала можно сделать вывод, что большинство исследований либо описывают военно-процессуальную событийность, либо стремятся к расстановке идеологических маркеров. Вместе с тем Гражданская война в России является ярчайшим примером проявления её участниками геополитических интересов в «чистом» виде.

Определение целей субъектов конфликта требует установления отправной точки — базового понятия, через призму которого должны рассматриваться наиболее важные события. Для авторов статьи таким понятием является категория «геополитические интересы», под которыми понимается устойчивое стремление государства как к сохранению своей территории, так и к расширению своего влияния на территории других стран, вплоть до установления над ними полного контроля и включения их в свой состав.

Военные события на Дальнем Востоке отличались от Гражданской войны в Центральной России не только масштабами вовлечённых сил, но и характером социально-экономических особенностей развития региона. Среди главных факторов, повлиявших на формирование специфики, можно выделить низкую хозяйственную и транспортную освоенность территории, слабую заселённость и размещение немногочисленных населённых пунктов вдоль железной дороги и судоходных рек, близость наиболее освоенных территорий края к Государственной границе, особенности социальной организации местного населения (казачество, зажиточное крестьянство, иностранные рабочие и т.д.).

В политическом отношении российский Дальний Восток 1918—1922 гг. представлял собой «поле» действия различных политических сил, что не могло не отразиться на общем характере их взаимодействия. Амбиции иностранных участников были более чем нескромными — от идей создания условий экономической и политической зависимости края, образования на его территории сепаратистского государства до полного отторжения территории в свою пользу [2, с. 4]. Участниками военных событий были, во-первых, две половины идеологически расколотого российского общества — «красные» и «белые», во-вторых, выступившие формальными союзниками «белых» — США и Япония, а также страны блока Антанты (Великобритания, Франция и др.). При этом интервентное вмешательство выглядело крайне разрозненным и разнонаправленным. Как показали дальнейшие события, возможность получения геополитических дивидендов каждой из сторон напрямую зависела от умения участников договариваться друг с другом.

Деятельность «красных», т.е. представителей большевистского режима, не поддаётся однозначной оценке. «Красные», как и «белые», в этой войне взяли на себя роль «собирателей русской земли» и были в ней тем более убедительны, поскольку находились в состоянии военного противоборства со всеми участниками международной коалиции интервентов. Развивая лозунг «Вся власть Советам!», большевики начали активно распространять его на все территории некогда единой царской России. Однако это встретило ожесточённое сопротивление со стороны ряда территорий (Украина, Северный Кавказ, Южный Урал), в том числе и дальневосточной.

О том, что новая власть была намерена отстоять Дальний Восток и сохранить его в составе России, наглядно свидетельствует заявление, сделанное В.И. Лениным весной 1918 г. В нём говорилось о необходимости подготовки продовольственных складов, которые вкупе с эффективной военной подготовкой должны стать надёжной гарантией защиты Дальнего Востока [3, с. 303]. Советское правительство изначально выступало против какой бы то ни было самостоятельности не только Сибири, но и Дальнего Востока, так как любое состояние «свободы» значительно облегчило бы аннексию этих территорий.

На первый взгляд, последующие действия Москвы по созданию Дальневосточной республики (ДВР), формально независимого государственного образования, выглядят противоречиво. Однако на самом деле подобный запуск Дальнего Востока в «свободное плавание» явно свидетельствовал о том, что власть была вынуждена пойти на образование буфера, поставив его при этом между сферами влияния противоборствующих сторон. «Красный» буфер должен был ослабить столкновение России в первую очередь с Японией, так как вести войну на два фронта (Западный польский и Восточный) в сложившихся условиях для «молодой» России было весьма проблематично [4, с. 94—95]. «Красные» рассчитывали на своеобразный откуп путём предоставления концессий интервентам в обмен на прекращение с их стороны каких-либо посягательств на государственную территорию.

Термин «белые» в самом общем смысле означал обобщённое название всех противников установившегося режима советской власти. Несмотря на то что обе стороны внутрироссийского конфликта имели непримиримые идеологические противоречия, в целом его участники исходили из необходимости удержания Дальнего Востока в составе России. Подобный посыл был продиктован общероссийской политикой в отношении прибрежных территорий. Успешное решение этой задачи открывало для России возможность стратегического контроля не только в пределах СВА, но и выводило страну на лидирующие позиции в конкурентной борьбе с Великобританией за политико-экономическое доминирование в регионе.

Выдвинув лозунг «за единую, неделимую Россию», «Белое движение» столкнулось с массой проблем, вызванных как внутренними противоречиями в среде соратников, так и столкновением интересов с иностранными союзниками. Антанта неодобрительно отнеслась к идее возродить российское государство в границах Российской империи. Несмотря на разногласия, точки соприкосновения всё же нашлись — свержение власти большевиков.

На Парижской конференции (1918) под предлогом ликвидации большевизма и восстановления легитимной власти в России был принят план разделения её территории на «зоны ответственности». Этическая сторона этого действия выглядела сомнительно, так как некоторые участники конфликта не скрывали стремлений к территориальным приобретениям за счёт бывшего союзника. Истошив силы в борьбе с Германией, блок закрепил за собой право действий в Западной России. Южные, юго-восточные и восточные территории должны были поделить между собой союзники

Антанты. Так, Сибирь и Дальний Восток в соответствии с их территориальной близостью становились «зоной ответственности» США и Японии [5]. Пожалуй, впервые за новую историю региона лидеры внешней инвазии испытали дефицит сил в его пределах и добровольно уступили своё первенство в разрешении острых политических проблем.

Антанта расценивала Японию как противовес в расширении американского влияния на Тихоокеанский бассейн. Великобритания поощряла территориальные притязания Японии, активно используя японскую карту против России и Китая. Ещё в начале Первой мировой войны она была заинтересована в уничтожении тихоокеанских военно-морских сил Германии. Это диктовалось не только стремлением захватить немецкие владения в регионе, но и защитить морские коммуникации, использовавшиеся для торговли с Китаем, Индией и Австралией. При этом считалось, что японская интервенция — лучшее средство разрушения японо-американского сотрудничества по дальневосточным делам. Франция же испытывала серьёзные колебания в решении «русского вопроса». В её правящей элите было много сторонников возрождения сильной России в качестве потенциального союзника в Европе против Германии. С другой стороны, именно французские буржуазные круги, чьи материальные интересы пострадали от аннулирования внешних долгов царского и Временного правительств, национализации иностранной собственности в революционной России, стояли тогда на непримиримых позициях в отношении советской власти [6, с. 126].

Начавшаяся интервенция на российском Дальнем Востоке слилась с мятежом бывших военнопленных чехословаков, который стал своеобразным «детонатором» свержения советской власти на территории от Пензы до Владивостока. Не выражая и не преследуя каких-либо геополитических интересов, чехи лишь стремились выйти к Тихому океану, чтобы вернуться на родину. Контингенты Великобритании, Франции, Италии и Северного Китая были невелики и заметной роли не играли.

Главными субъектами инвазии стали США и Япония. Преломляя свои интересы на одну и ту же территорию, оказавшись предоставленными «сами себе», ощущая независимость от стран Западной Европы, они вступили в плохо скрываемое противостояние. Разногласия, порой доходившие до открытых столкновений, проявились сразу же после начала вооружённого вторжения на материк, и касались они количества и мест расположения войск, выражения симпатий той или иной «белой» группировке и реальной её поддержки.

Все проводимые мероприятия США с начала XX в. в регионе диктовались двумя ключевыми соображениями: стремлением создать благоприятные условия для экономического внедрения собственных компаний и намерениями противодействовать экономическому и политическому укреплению Японии. Официальный Вашингтон во главе с президентом В. Вильсоном так определил свою позицию в отношении правительства советской России: «...США не признают власть Советов и готовы признать такое правительство, которое способно восстановить порядок в России и вернуть её на путь международных обязательств...» [7, с. 88].

США не спешили втягиваться в Гражданскую войну в России. Введя незначительный контингент войск, они взяли на себя своеобразную роль — финансирование и материальное снабжение участников интервенции. Тем не менее американское правительство не оставляло усилий по реализации собственных геополитических интересов в регионе, которые были направлены на максимально возможное военное и политическое ослабление Японии и рост экономического влияния в СВА.

Опасаясь чрезмерного усиления Японии, американская дипломатия старалась связать Токио обязательством не предпринимать широких операций без ведома и согласия Антанты, а в случае успешной ликвидации советской власти — покинуть территорию России. Опасения США основывались и на том, что Япония при возникновении возможности раздела дальневосточной территории могла сослаться на своё «географическое соседство», «исторические связи», «экономические и другие интересы». США стремились использовать вооружённые силы Японии для борьбы против советской России, полагая, что вытеснить Японию с Тихого океана будет значительно легче после того, как она завяжет в войне с Россией. В то же время они считали, что если проведение интервенции будет поручено только одной Японии, то от подобной односторонности могут пострадать американские интересы. Для преодоления геополитических рисков Вашингтон выдвинул проект «общесоюзной интервенции» [8, с. 46].

Контроль над «белыми» силами американское правительство осуществляло за счёт сосредоточения в своих руках поставок вооружения для их армий. От Верховного совета Антанты США добивались особых прав в России — создания консульств во всех крупных городах Зауралья, права на открытие и бесперебойную работу торговых учреждений. В записке госдепартамента США к плану экономической экспансии, обнародованной 10 октября 1918 г., давалась характеристика политики «экономической помощи»: «Когда американские вооружённые силы находятся во Владивостоке и Архангельске, правительство Соединённых Штатов готово сделать своим союзникам по войне заявление о плане, который оно считает возможным принять с тем, чтобы облегчить экономические нужды русского народа... Ввозимые товары должны продаваться в тех местах, где действуют американские и союзные войска... а также в местах расположения чехословацких войск» [7, с. 158—159].

Высказывались мнения о том, что Россию неплохо было бы разделить на относительно большие естественные области, при этом ни одна из них не должна быть достаточно самостоятельной [9, с. 42]. Формируя мнение о России как о «дикой» стране, американский сенатор Поиндекстер заявлял: «...следует распорядиться Россией... её продовольственными, топливными и минеральными ресурсами» [10, с. 73]. Правящие круги США стремились к реализации своих целей на Дальнем Востоке не за счёт территориальных приобретений, а путём создания независимых от России государств, укрепив в них свои экономические позиции. В этой связи они всячески демонстрировали свои симпатии к ДВР — слаборазвитому, формально независимому от России государственному образованию, которое

неизбежно обратится к американским инвестициям. Вскоре после начала интервенции американские дипломаты заявляли, что события на Дальнем Востоке развиваются не так «как было намечено» США. Становилось ясно, что японцы намерены действовать по собственному плану. А план США использовать Японию «вёмную» провалился. Этому способствовали не только Великобритания и Франция, но и сама Япония, не имевшая цели действовать в интересах основного конкурента.

Если у американской стороны и были планы аннексий российских территорий, то таковые тщательно маскировались и не имели обязательной силы. Вашингтон отдавал себе отчёт в сложности их осуществления и потому предпочёл имидж миротворца, покровителя буржуазно-либеральных и околлиберальных «белых» режимов. А поскольку все они выступали с позиции сохранения «единой и неделимой» России, США вынужденно разделяли таковую, по крайней мере, внешне. Они понимали, что русские «державники» (какую бы политическую «окраску» они не имели) являлись их естественными союзниками перед лицом растущего японского экспансионизма. По этой причине с 1920 г., когда произошла смена власти в США, а основная антибольшевистская сила за Уралом — Колчак разбит, и Гражданская война в Европейской России близится к завершению, США заявили о необходимости сохранения территориальной целостности России и начали зондаж контактов с большевиками. Весной того же года они вывели войска с Дальнего Востока, чем приобрели значительный политический выигрыш.

В конце XIX в. Япония вступила на путь колониальных захватов. Милитаризм стал главной внешнеполитической линией государства: «Япония выходит из прошлого и осуществляет в настоящем... жизненные задачи своего народа и армии, она водружает вежи беспредельного будущего тем, что намечает единственно возможный путь к развитию государственного благосостояния — путь захвата чужой территории...» [11, с. 227]. В качестве идеологического обоснования агрессивности действий разрабатывался «План национальной реорганизации Японии», гласивший, что страна призвана объявить войну нациям, владеющим чрезмерными территориями или управляющими своими владениями ненадлежащим образом. Помимо Кореи и Тайваня в качестве возможных объектов отторжения назывались Австралия, Новая Зеландия, Гонконг, Сибирь и российский Дальний Восток [11, с. 309].

Для Японии задержка с вторжением на материк означала, что результаты её прошлых военных кампаний (например, в Китае в 1895 г.) окажутся утраченными. Премьер-министр Такаси Хара, выступая с речью «О государственной политике в чрезвычайное время», заявил, что «...XIX век был веком западных теорий насильственного объединения территорий суши и моря... под флагом европейской цивилизации. XX век должен стать веком распространения теории национального объединения цветных народов... Япония... призвана стать во главе освободительного движения цветных народов, в первую очередь Азиатского континента, под девизом освобождения и единения под стягом нашей Империи» [12, с. 92].

Гражданская война в России рассматривалась как удобный случай для вытеснения её с Дальнего Востока. Японцы не могли не воспользоваться подобной ситуацией, тем более что была свежа память о победе в русско-японской войне (1904—1905 гг.). В начале 1918 г. японский премьер-министр Тераути заявил, что внутренние беспорядки в России, особенно в её восточных районах, «...составляют угрозу для мира на Дальнем Востоке, поддержание которого есть основа нашей политики» [7, с. 132].

Междоусобица в России и фактическое самоустранение от участия в событиях на её восточной окраине ведущих европейских стран породили у Японии надежду на возможность крупных аннексий. Осуществить таковые предполагалось как с помощью сепаратистских устремлений некоторых представителей «Белого движения», так и путём прямого захвата Приморья и Сахалина. Однако против неё согласованно выступили вооружённые силы ДВР и подчинявшиеся ей партизанские армии Приамурья и Приморья, в сражениях с которыми оккупанты несли ощутимые потери, а уровень доверия и политических симпатий со стороны большинства представителей «белых» упал практически до нуля, что означало открытый саботаж.

Правящие круги Японии добивались единоличного ведения интервенции, требуя признания за собой особых интересов. Так, японская газета «Ничи-Ничи шимбун» писала: «Америка должна понять, что во Владивостоке и вдоль Восточно-Китайской и Сибирской железных дорог Япония не должна игнорироваться... Мы надеемся, что Америка не будет препятствовать осуществлению нашего плана...» [13, с. 50—51].

Япония откровенно заявляла о своих намерениях, но чувствовала себя не настолько сильной, чтобы выступить самостоятельно. Тем не менее её действия получили поддержку со стороны дипломатических представителей Великобритании и Франции. Так, британский дипломат Локкарт заявил, что японский десант состоялся с одной целью — обеспечения жизни и собственности иностранных подданных во Владивостоке. При этом в кулуарах существовало мнение, что «...и с точки зрения человеческого материала, и с точки зрения транспорта Япония может сделать в Сибири гораздо больше, чем блок в Мурманске и Архангельске» [14, с. 122]. Французская сторона расценила японские действия как «естественную полицейскую меру» [15, с. 304].

В период с 1921—1922 гг. значительное влияние на внешнюю политику Японии оказала политическая и экономическая ситуация в самой стране, где разразился экономический кризис. Он привёл к резкому сокращению промышленного производства со всеми вытекающими последствиями. А продолжавшиеся военные действия использовались американской пропагандой для возникновения антияпонских настроений и у мировой общественности.

К концу 1922 г. армия ДВР вступила во Владивосток, и Народное собрание республики приняло резолюцию о воссоединении с РСФСР. Сложилась ситуация, при которой евро-американская группа участников интервенции предпочла восстановление Советской России в США японскому усилению. И если Москва, недостаточно вникнув в суть произошедшего

и приписывая свой успех исключительно победам армии ДВР, находилась в состоянии эйфории, то геополитический анализ со стороны Токио оказался более глубоким [16, с. 71]. Япония убедилась, что её территориальный рост показался странам Западной Европы и США более угрожающим, чем появление на берегах Тихого океана форпоста коммунизма. В Японии царило состояние, близкое к уже имевшему место в 1895 г., — ощущение «украденной» победы.

Безрезультатно закончившаяся интервенция лишь послужила стимулом для нового, более широкого витка агрессивных действий японского милитаризма, сместившего свои геополитические устремления в Китай. Идея о временной переориентации основного вектора континентальной экспансии с России (СССР) на Китай была сформулирована к середине 1920-х гг. Премьер-министр Танака чётко указал формат её первого этапа: «Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала захватить Маньчжурию и Монголию» [17, с. 48].

Японо-американские противоречия уходят своими корнями в XIX в., когда обе страны активно включились в имперский раздел мира. Обострилось их геополитическое противостояние, которое первоначально экстраполировалось на Китай, а затем и на Дальний Восток. Разница в целях и подходах обеих стран к осуществлению интервенции была очевидна. Политика Японии ставила конечной целью аннексию края, тогда как США не стремились к прямому захвату территории, отдавая предпочтение экономической экспансии.

Специфика битвы за лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе заключалась в вынужденном союзничестве двух геополитических конкурентов в борьбе с советским режимом. Поэтому столкновение японских и американских интересов на дальневосточной территории следует рассматривать в качестве частного случая геополитического противостояния Японии и США за лидерство на берегах Тихого океана. Апофеозом стал тихоокеанский театр боевых действий во Второй мировой войне.

Интервенция и Гражданская война на Дальнем Востоке явились своеобразным началом перемещения геополитической активности с Атлантики на берега Тихого океана. Именно тогда был сформирован «тихоокеанский клуб» держав, имеющих разные проекты будущего развития региона.

Умело сыграв на противоречиях империалистических держав, Япония смогла успешно войти в процесс политической и экономической модернизации. Это стало залогом стремительного восхождения империи к военно-политическому лидерству в регионе. Несостоятельность Китая в противостоянии европейской инвазии дала шанс Японии встать в авангарде борьбы с европейской экспансией. Самостоятельное решение этой задачи позволило Японии «выйти из тени» континентального гиганта и реализовать свои имперские амбиции территориального роста. Несмотря на безрезультативность интервенции в России, первый этап имперского строительства для Японии закончился успешно. Ей удалось прочно закрепиться в Маньчжурии и на Корейском полуострове и подготовиться к окончательному решению северного территориального вопроса — вытеснению России с Дальнего Востока. Амбиции Японии

не ограничивались пределами СВА — её геополитические интересы распространялись и на южные секторы АТР.

В то же время США имели свои взгляды на будущее региона и выступили ограничителями роста японского могущества. Несмотря на то что первая схватка закончилась явно не в пользу Вашингтона, тем не менее она стала началом перехода с политико-экономического механизма реализации геополитических интересов США к новым более активным его моделям. Другие традиционные участники региональных баталий — Китай и Корея — были вынуждены занять пассивные позиции и стали своеобразными призами, доставшимися Японии за настойчивость в реализации своих интересов.

Более 85 лет отделяют нас от тех событий. За этот период неоднократно предпринимались попытки изменить расстановку геополитических сил в регионе. Сегодняшняя ситуация вызвана ростом экономической и военной мощи Китая, а также наличием нерешённой ядерной проблемы КНДР. Вероятно, в XXI в. процессы экономической глобализации сменят геополитический аспект проблемы на геоэкономический, что в некоторых отношениях снизит остроту существующих противоречий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яковлев А. Международно-политическая обстановка в Северо-Восточной Азии и положение России в регионе // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2. С. 3—12.
2. Хрулёв В. В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М.: НКО СССР, 1940. 100 с.
3. История гражданской войны в СССР 1917—1922. Т. 3. М.: ГИПЛ, 1958. 677 с.
4. «...Вести войну с Японией мы не можем и должны сделать всё для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с ней, но и обойтись без неё» [Ленин В. И. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов / Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 42. М.: ГИПЛ, 1963. С. 91—118].
5. История гражданской войны в СССР. 1917—1922. Т. 3. М.: ГИПЛ, 1958. 677 с.
6. Щетинов Ю. А. История России. XX век. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 296 с.
7. Берёзкин А. В. Октябрьская революция и США (1917—1922 гг.). М.: Наука, 1967. 495 с.
8. Боярский В. А. Вторжение империалистов США в советскую Россию и его провал. М.: ВПШ, 1961. 172 с.
9. Бахов А. С. На заре советской дипломатии: Органы советской дипломатии в 1917—1922 гг. М.: Междунар. отношения, 1966. 173 с.
10. Губельман М. И. Борьба за советский Дальний Восток (1918—1922 гг.). М.: Воениздат, 1958. 274 с.
11. Верисоцкая Е. В. Идеология японского экспансионизма в Азии в конце XIX — начале XX в. М.: Наука, 1990. Ч. 2. 337 с.
12. Японский милитаризм / под ред. Е. М. Жукова. М.: Наука, 1972. 375 с.
13. Никифоров П. М. Записки премьера ДВР. М.: Политиздат, 1974. 191 с.
14. История дипломатии / под ред. А. А. Громыко. М.: Политиздат, 1965. Т. 3. 831 с.
15. Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949 гг.) / под ред. Е. М. Жукова. М.: Госполитиздат, 1956. 783 с.
16. Горбунов Е. А. Схватка с чёрным драконом: Тайная война на Дальнем Востоке. М.: Вече, 2002.
17. Ежаков В. И. Герои Хасана. М.: ВИМО, 1969. 96 с.